

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первую мировую войну невозможно представить без патриотической мобилизации во всех воюющих государствах, мобилизации, повлиявшей на культуры разных стран. Некоторые исследователи даже писали о «культурной мобилизации», которая находила отражение в «патриотической культуре»¹. Чем дольше длился конфликт, тем сильнее политические элиты нуждались в поддержке и сплочении всего общества, различных, порой конфликтующих социальных, религиозных и этнических групп, чтобы выдержать невиданные ранее тяжелейшие испытания. На фронте и в тылу патриотизм являлся важнейшим ресурсом, необходимым для общественной мобилизации.

Культурная мобилизация военной поры оказывала воздействие на историков, исследовавших эту эпоху. Изучение Первой мировой войны никогда не было свободно от влияния историографических школ, претендовавших на роль уникальных защитников национальных интересов, порой историки даже прямо воспроизводили патриотический дискурс эпохи войны в своих научных текстах (политические термины, даже пропагандистские образы изучаемого времени подменяли собой аналитические понятия), предлагая и своим читателям занять «патриотическую» позицию. Мировая война описывалась часто с точки зрения политического руководства соответствующих стран, исследователи отождествляли себя с актерами, которых они считали «патриотическими»². Описание же внутренних политических конфликтов эпохи войны в такой логике нередко строилось, а порой и строится, как противостояние прославляемых

¹ *Fogarty R. The French Empire // Empires at War, 1911–1923 / ed. Robert Gerwarth, Erez Manila. Oxford, 2014. P. 115; Jahn H. F. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; London, 1995.*

² *Winter J., Prost A. The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present. Cambridge, 2006. P. 192–194.*

патриотов и критикуемых «антипатриотов». Между тем, как показывают некоторые статьи этого сборника, политические оппоненты нередко обвиняли друг друга в отсутствии патриотизма, полемика такого рода влияла на культурную мобилизацию.

И творцы современной политики памяти в разных странах прагматично — но не всегда искусно — нередко используют историю Первой мировой войны в качестве инструмента «патриотического» воспитания, что делает наше понимание прошлого однобоким, а то и вовсе искажает его (в настоящем сборнике эту тему политического использования прошлого в XXI в. затрагивает Х. Стрэчен). Образ мировой войны как «европейской гражданской войны», образ, созданный еще ее современниками и получивший распространение в последние десятилетия в научной литературе, в мемориальных проектах и даже в учебных программах некоторых стран, история Первой мировой войны ныне таким образом «европеизируется», хотя этот процесс нельзя назвать простым и необратимым³. Вместе с тем описание войны как общеевропейской, мировой трагедии и по сей день вызывает у некоторых политиков, преподавателей и исследователей отторжение как «непатриотичное», что делает изучение культур патриотизма в годы Первой мировой войны актуальной и вместе с тем весьма сложной задачей.

11–13 июня 2014 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге проходила международная научная конференция “Patriotic cultures during the First world war” («Патриотические культуры во время Первой мировой войны»), приуроченная к столетнему юбилею начала войны. В ней приняли участие более тридцати исследователей из Бельгии, Великобритании, Германии, Австрии, Хорватии, Ирландии, Канады, России, США, Украины, Франции. Сопредседателями организационного комитета конференции выступили Л. Энгельштейн (Йельский университет, США) и Б. И. Колоницкий (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук). Предлагаемая читателю книга основана на докладах, обсуждавшихся на этой конференции, они были специально переработаны для данной публикации.

В статьях Е. Ю. Сергеева, М. Н. Лукьянова, С. Райхардта и К. Филлиу исследуется, как образ врага, врага внешнего и внутреннего, использовался в разных странах для патриотической мобилизации (эти сюжеты в последнее время привлекают большое внимание ученых). Данный ракурс позволяет понять, каким образом патриотическая

³ *Winter J. War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge, 2017. P. 169.*

мобилизация служит милитаризации и брутализации общества, ведя к зарождению агрессивного национализма, доходящего до шовинизма, как возникающие в результате внутренние конфликты создают проблемы для патриотической мобилизации на государственном уровне. При этом использование образа врага могло приводить и к таким результатам, которых не предвидели инициаторы соответствующих пропагандистских кампаний. Так, например, в России шпиономания и германофобия военной поры со временем стали способствовать усилению политического кризиса, переросшего в революцию⁴. Не только создание образов врагов, но и выработка отношения к союзникам могла влиять на разработку концепций патриотизма. Как, например, показывает М. Н. Лукьянов, в условиях войны российские крайние правые не могли открыто демонстрировать свое германофильство (в чем их обвиняли политические противники, включая и часть правых), но они заменяли его англофобией и обличали своих оппонентов, российских англофилов.

Особое внимание современные исследователи уделяют культурной мобилизации воюющих империй, порой они пишут о «наднациональном патриотизме» и даже «имперском национализме», а применительно к Британской империи и о «национализме доминионов»⁵. В настоящем сборнике М. Корнуолл, Дж. Бьерк, Т. Уикс, И. Банац, А. Заярнюк большое внимание уделяют проблемам формирования *имперского патриотизма*. В одних случаях в империях использовался ресурс *династического патриотизма*, в других — мобилизация этничности, в-третьих особое внимание уделялось религиозному фактору; часто разные подходы совмещались, но нередко они и мешали друг другу, провоцируя разные конфликты. Война, например, актуализировала противоречия между национальной идентичностью и имперской лояльностью монарху среди подданных полиэтнических государств. Патриотическая мобилизация порой могла дестабилизировать и революционизировать внутривнутриполитическую ситуацию, хотя многие лоялисты, представлявшие разные этнические и религиозные группы, долгое время оставались патриотами империй, отвергая требования предоставления независимости, выдвигавшиеся радикальными национальными активистами. Это была проверка на прочность политических режимов, которые сложились к этому

⁴ См.: Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009; Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

⁵ Garton St. The Dominions, Ireland and India // Empires at War, 1911–1923... P. 152–177.

времени в Европе. Германская, Австро-Венгерская, Османская и Российская империи, столь различные между собой, рухнули (империя Романовых, впрочем, по мнению ряда исследователей, была трансформирована в «красную империю» или в «постколониальную империю», империю «положительной деятельности»), в то же время Великобритания и Франция смогли сохранить свою целостность, победить в войне и расширить свои империи. Однако во всех странах-участницах патриотическая мобилизация, решая одни проблемы, создавала другие для политических элит: патриотизм нельзя было монополизировать, он использовался для решения различных задач противоборствующих политических сил. Кризисные явления, наблюдавшиеся во всех воюющих империях по мере того, как конфликт затягивался, делали актуальной задачу новой культурной мобилизации, *патриотической ремобилизации*, *«перезагрузки»* патриотизма, что требовало спешной выработки новой символической политики, поиска новых образов, новой риторики, новой техники пропаганды⁶.

К. Хеммерле, С. де Схапдрейвер, П. Пёрсегль, Дж. Кин на разном материале демонстрируют, как война и военная мобилизация повлияли на мирное население и воздействовали на изменение социальных групп в воюющих странах. Сторонники и противники войны, представители разных этнических и социальных групп, выдвигали и лоббировали свои особые проекты, полемизируя с оппонентами, они часто использовали при этом язык *патриотизма*, укрепляя тем самым авторитет используемой *патриотической риторики* и способствуя ее развитию. Сама обстановка войны существенно влияла на формирование языка патриотизма и на его восприятие. Хрупкое состояние единства обществ воюющих стран претерпевало изменения в ходе глобального вооруженного конфликта (еще более сложным было положение на оккупированных территориях). Различные общественные движения довоенной поры — женские, рабочие, социалистические, религиозные — использовали дискурс патриотизма и общую ситуацию патриотической мобилизации для переформулирования своих целей и задач в новой ситуации. Эти разнообразные тенденции влияли на формирование, развитие и восприятие *культур патриотизма*.

Отдельная проблема, проявившаяся на страницах данного сборника, — вопрос о том, какими методами историк может изучить, даже «измерить» патриотизм в том или ином обществе, какие источники

⁶ О патриотической «ремобилизации» в России пишет М. Стокдейл, еще ранее Дж. Хорн, Р. Чикеринг и другие историки исследовали аналогичные процессы во Франции, Британии и Германии. *Stockdale M. K. Mobilizing the Russian Nation: Patriotism and Citizenship in the First World War. Cambridge, 2016.*

следует привлекать. Этот вопрос специально затрагивает Х. Стрэнчен. Современники в разных странах фиксировали эмоциональные проявления патриотизма, употребляя слова «эйфория», «энтузиазм». Но как их можно исследовать? Какие сведения представляют нам более точную картину динамики патриотизма: количество добровольцев, патриотическая пропаганда, подписка на военные займы, отчеты армейской цензуры, военные мемуары или «письма во власть» — разнообразные петиции и прошения? Какова ценность такого источника, как пропагандистские материалы эпохи войны? Каждый источник дает различные результаты, добавляя новые краски к сложной картине описания патриотизма. К тому же архивы разных стран содержат разные, порой несопоставимые группы источников: образование фондов отражало особенности управления и делопроизводства в разных государствах, что затрудняет сравнительные исследования. Как показывают некоторые авторы сборника, уже участники войны использовали современные им методы социальных наук для изучения настроений населения воюющих стран, измеряли они и патриотизм, сравнивая, например, патриотичность различных этнических и социальных групп, живущих в одном государстве. Особую изобретательность проявляли в этом отношении военные цензоры, выступавшие нередко в роли социологов и историков, — они производили подсчеты, составляли таблицы и графики, комментировали и критически анализировали высказывания, казавшиеся им типичными (в настоящем сборнике этот источник использует М. Корнуолл). Интересно, что соответствующие процессы изучения патриотической мобилизации, ее неудач и успехов проявились практически одновременно в разных воюющих странах, что свидетельствовало о влиянии социальных наук и потребности оценки воздействия военной пропаганды.

Нельзя не сказать и о том, что темы ряда статей отражают и некоторые важные и устойчивые тенденции развития современной историографии. Так, весьма заметен ныне интерес к истории империй в эпоху войн и революций, к сравнительному изучению империй⁷. Исследователи ставят под сомнение и такой очевидный, казалось бы, ответ на вопрос о хронологических рамках Первой мировой войны и связанных с ней конфликтов, например Гражданской войны в России⁸. Действительно, процессы патриотической мобилизации

⁷ См.: *Empires at War, 1911–1923* / ed. Robert Gerwarth, Erez Manila. Oxford, 2014.

⁸ *Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, 2002; *Smele J. D. The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World*. London; New York, 2016.

и развития военных культур патриотизма в ряде стран мы не можем понять, если ограничим свое исследование лишь периодом 1914–1918 гг.

Наконец, на замысел проекта и на содержание статей повлиял тот интерес к культурной истории, который устойчиво демонстрируют современные исследователи Первой мировой войны⁹. Культура эпохи войны оказывала огромное воздействие на память о Первой мировой войне в различных странах, которая ныне весьма различается даже во Франции и Великобритании, хотя обе эти державы стали тогда победительницами. Тема памяти о Первой мировой войне занимает особое место в современных динамично развивающихся *memory studies*, не в последнюю очередь благодаря новаторским трудам П. Фасселла и Дж. Уинтера¹⁰.

Культурная мобилизация военной поры могла создать проблемы и для преодоления уже послевоенного кризиса, который в ряде стран сопровождался насилием милитаризованных группировок, а иногда и вооруженными конфликтами разного масштаба, которые порой превращались в локальные войны. Задача *культурной демобилизации* (термин Дж. Хорна), связанной с особенностями *культуры поражения* и *культуры победы* в разных странах, часто не была простой¹¹. Развитие патриотических культур во время войны влияло на послевоенную ситуацию в разных странах.

Нельзя, разумеется, утверждать, что настоящая книга подводит черту под исследованиями патриотизма эпохи Первой мировой войны. Как увидит читатель, ее авторы выбирают различные,

⁹ *Winter J., Prost A. The Great War in History.*

¹⁰ *Fussell P. The Great War and Modern Memory. Oxford, 1975* (русский перевод: *Фасселл П. Первая мировая война и современная память. СПб., 2014*); *Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European cultural history. Cambridge, 1995.* Память о Первой мировой войне в России изучают Д. Орловски, А. Коэн и К. Петрон. См.: *Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война: материалы международного научного colloquium / отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 49–57; Cohen A. J. Oh, That! Myth, Memory and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review. 2003. Vol. 62, N 1. P. 69–86; Cohen A. J. “Our Russian Passport”: First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–1939 // Journal of Contemporary History. 2014. N 49. P. 627–651; Cohen A. J. Russian Monuments to the First World War: Where Are They? Why Are They? // Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. В. 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory / ed. Murray Frame, Boris Kolonitskii, Steven G. Marks, Melissa K. Stockdale. Bloomington, 2014. P. 297–314; *Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington, 2011.**

¹¹ *Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / ред. Р. Герварт, Д. Хорн. М., 2014.*

не всегда сопоставимые объекты описания, они по-разному проблематизируют патриотизм, ставят разные исследовательские вопросы, привлекают разные источники, используют разный терминологический аппарат. Это сборник статей, а не коллективная монография. Именно благодаря различию используемых подходов и методов книга наглядно демонстрирует, каким сложным, важным и интересным предметом изучения является патриотизм эпохи Первой мировой войны. Можно надеяться, что предлагаемый сборник статей будет способствовать дальнейшему исследованию темы, поиску новых источников и обмену идеями между учеными, принадлежащими к различным академическим традициям и научным школам.

Не могу не выразить признательности участникам конференции — председателям секционных заседаний, комментаторам докладов и участникам дискуссий Дж. Хорну, О. В. Хархордину, Н. Н. Смирнову, М. М. Кромю, У. Г. Розенбергу, Н. Катцеру, А. В. Бекасовой, Д. Орловски, В. Ю. Черняеву, А. М. Семенову, А. Пинскому, Д. Макдональду, С. Дж. Хирсту, И. В. Халл, М. Гейеру, М. Стокдейл. Их замечания и советы помогли авторам докладов уточнить и прояснить свою позицию при переработке текстов докладов в статьи. Особую признательность за помощь в проведении конференции следует выразить Ю. А. Сафроновой. Большую работу над текстом настоящего сборника проделал К. А. Тарасов. Советы и замечания В. П. Булдакова, В. В. Лапина и Л. В. Ланника были очень полезны при подготовке книги. Выход книги был бы невозможен без помощи Л. Энгельштейн.

Б. И. Колоницкий